

**ИСТОРИЯ
КАЗАХСТАНА
В РУССКИХ
ИСТОЧНИКАХ
XVI–XX веков**

**IV
ТОМ**

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРОГРАММА
“КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ”
РАЗРАБОТАНА ПО ИНИЦИАТИВЕ ПРЕЗИДЕНТА
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
НУРСУЛТАНА АБИШЕВИЧА НАЗАРБАЕВА**

**ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИЙ КНИГ ПО
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОГРАММЕ
“КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ”**

М. А. Кул-Мухаммед (главный редактор)
М. М. Тажин (зам. главного редактора)
Н. М. Нургазин (ответственный секретарь)
Ж. М. Абдильдин
М. Х. Абусейтова
М. М. Ауэзов
К. М. Байпаков
К. Н. Бурханов
Е. К. Ертысбаев
С. З. Зиманов
С. А. Каскабасов
А. Кекильбаев
М. М. Магауин
С. А. Мамбеев
А. К. Нурпейсов
А. Н. Нысанбаев
Е. Р. Рахмадиев
О. О. Сулейменов
К. С. Султанов
И. Н. Тасмагамбетов
К. Ш. Хусаинов

**ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
И ЭТНОЛОГИИ им. Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА
МИНИСТЕРСТВА ОБРАЗОВАНИЯ
И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН**

**ИСТОРИЯ КАЗАХСТАНА
В РУССКИХ
ИСТОЧНИКАХ
XVI–XX веков**

**IV
ТОМ**

**ПЕРВЫЕ ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ
ОПИСАНИЯ КАЗАХСКИХ
ЗЕМЕЛЬ. XVIII ВЕК**

Алматы
“Дайк-Пресс” 2007.

ББК 63.3 (5Каз)
П 26

**Секция «История и этнография»
Государственной программы
«Культурное наследие»**

М. К. Койгелдиев (председатель),
К. С. Алдажуманов (зам. председателя),
Р. К. Нурмагамбетова (ответственный секретарь),
С. Е. Ажигали, А. Н. Гаркавец, И. В. Ерофеева,
С. Ф. Мажитов, Б. М. Сужиков

Составитель И. В. Ерофеева

*Транскрипция скорописи XVIII в.
И. В. Ерофеевой, А. А. Альмукамбета*

*Комментарии Б. Т. Жанаева,
предисловие И. В. Ерофеевой*

Научный редактор Б. М. Сужиков

П 0503020905
00(05)-07

ББК 63.3 (5Каз)

ISBN 9965-798-42-7

© И. В. Ерофеева, сост., 2007
© Издательство «Дайк-Пресс»,
оформление, 2007

Становление научной историографии Казахстана: историко-этнографические труды П. И. Рычкова и Х. Барданеса

Вторая половина XVIII в. стала важной вехой в истории накопления разнообразных историко-этнографических знаний в России о Казахстане и казахском народе. В это время было положено начало сложному процессу становления историографии казахского народа в ее научной форме, который продолжался около ста лет. Характерными чертами его являлись: утверждение в общественном сознании России рационалистической картины мира, формирование теории и методологии исторического познания и приемов рационально-аналитической критики источников, создание принципиально новых по жанру, структуре и тематике исторических произведений, выделение истории и культуры Казахской степи в отдельную предметно-тематическую сферу историко-этнографического знания и познания.

До середины XVIII в. разнообразные знания о казахском народе и казахстанском регионе развивались в России главным образом в русле практического востоковедения, тесно связанного с конкретными интересами и потребностями внешней политики царского самодержавия в Центральной Азии, и в то время еще не обладали самостоятельной социальной значимостью в познавательной культуре наиболее образованных слоев российского общества в качестве относительно свободного от преходящей политической конъюнктуры («незаинтересованного») исторического знания. В первой половине XVIII в. когнитивная теория и процесс накопления конкретных фактических знаний по истории и этнографии казахов были, как и прежде, социально разделены. Первые попытки преодолеть сложившуюся с давних пор интеллектуальную дистанцию между этими двумя взаимосвязанными контекстами познавательной культуры, предпринятые В. Н. Татищевым, И. К. Кириловым и Г. Ф. Миллером, значительно способствовали их взаимному сближению, но в то время еще не привели к полному их слиянию, проникновению научных методов познания общества в процесс накопления и осмысления фактического материала и появлению в российской историографии специальных казахстановедческих научных трудов.

Исходя из этого, вторую четверть XVIII в. можно назвать преднаучным периодом, понимая под ним такую переходную эпоху, когда уже сложились в основном внешние социально-экономические и политические факторы, стимулировавшие более интенсивное изучение Казахстана в России, сбор и обработку исторических источников, а внутри самой исторической мысли отчетливее, чем когда-либо прежде, появились черты нового методологического подхода к познанию истории и культуры казахского народа, не превратившиеся еще, однако, в систему, в общепринятый принцип исследования, правило деятельности, объект специ-

ального осмысления историков. Для того чтобы историография Казахстана стала наукой, т. е. превратилась в сферу приложения саморазвивающихся когнитивных интересов и отдельную предметную область исследовательской деятельности российских историков, потребовались глубокие мировоззренческие сдвиги в российском обществе, его огромное ментальное «потрясение», вызванное интеллектуальным взрывом Просвещения и невиданным ранее расширением духовных контактов русской культуры с культурами Востока и Запада.

Сближение России с философией Западной Европы и философской мыслью Центральной и Юго-Восточной Азии существенно влияло на содержание общественного сознания, постепенно вело его к ломке традиционных представлений, побуждало к серьезной интеллектуальной работе. Рост внимания к проблеме человека, философскому истолкованию антропии социокультурогенеза обусловил, начиная с середины XVIII в., развитие географических, антропологических, статистических, лингвистических и этнографических исследований; попытки рассмотреть и теоретически осмыслить культурно-исторический опыт неевропейских народов и попытаться тем самым решить проблему соотношения особенного и всеобщего в развитии человечества. Начальный этап практической реализации этих назревших задач гуманитарного познания, а следовательно, и превращение исторических знаний о казахском народе в науку следует отнести поэтому ко второй половине XVIII в., связав его с трудами ученых Петербургской Академии наук — П. С. Палласа, И. П. Фалька, Х. Барданеса, А. И. Левшина, с одной стороны, и исследованиями представителей зарождавшейся краеведческой историографии — П. И. Рычкова, И. Г. Андреева и прочих, с другой.

Начало становления научной историографии Казахстана тесно связано с именем первого члена-корреспондента Петербургской Академии наук и первого историка Башкирии, Оренбурга и Казахской степи П. И. Рычкова, образно названного в конце XIX в. одним из его последователей «Колумбом Оренбургского края».

Петр Иванович Рычков родился в 1712 г. в Вологде в купеческой семье, в которой высоко ценились трудолюбие и «склонность» к наукам. В 1720 г. семья Рычковых из-за расстройств торговых дел переехала в Москву, где Иван Иванович Рычков определил своего сына для обучения сначала в частную школу, а позднее — к своему давнему другу директору полотняных фабрик голландцу И. П. Тамесу¹. В этих учебных

¹ Здесь и ниже биографические данные о П. И. Рычкове заимствованы из наиболее обстоятельного исследования о его жизни и деятельности, подготовленного видным оренбургским историком П. Е. Матвиевским и его коллегой А. В. Ефремовым. См. их совместную работу: Петр Иванович Рычков. 1712—1777. М., 1991.

заведениях он получил неплохие для того времени знания в области бухгалтерии и коммерции, а также изучил голландский и немецкий языки. В 1730 г. Петр Иванович Рычков переехал в Петербург и поступил там на службу к директору казенных стекольных заводов англичанину Вильяму Эльмсену, у которого прослужил управляющим около трех лет. Затем по семейным обстоятельствам он был вынужден искать более доходное место и в 1733 г., обратившись к обер-секретарю Правительствующего Сената И. К. Кирилову с просьбой предоставить ему свободную вакансию переводчика в столичной портовой таможне, был принят на должность переводчика и помощника бухгалтера в это государственное учреждение.

Знакомство с И. К. Кириловым имело судьбоносное значение для последующей жизни и профессиональной деятельности будущего историка. В момент первой встречи с П. И. Рычковым И. К. Кирилов вынашивал идею создания в устье Ори на границе России с казахскими жузами специальной Экспедиции, которая должна была укрепить военно-политические позиции империи на Южном Урале, привести казахов к «подлинной подданнической верности» Российской державе и установить ее торговые связи с соседними центральноазиатскими странами. Эта идея вылилась в написанный им проект «Изъяснение о киргиз-кайсацких и каракалпацких ордах», в котором всесторонне обосновывалась необходимость строительства военного опорного пункта новой экспедиции и были четко сформулированы ее основные цели и задачи. 1 мая 1734 г. проект был утвержден императрицей, а указом от 7 июня 1734 г. предписывалось «вновь строить назначенному» городу именоваться *Оренбургом*. Начальником Экспедиции, получившей позже название *Оренбургской*, был назначен И. К. Кирилов.

В начале июня того же года И. К. Кирилов, приступив к формированию штата Оренбургской экспедиции, зачислил в ее состав наряду с прочими специалистами «в бухгалтерском деле знающего из русских Петра Рычкова», которому поручалось ведение счетных книг и прочих канцелярских дел. 15 июня 1734 г. Оренбургская экспедиция отправилась вместе с посольством хана Младшего жуза Абулхайра (1710–1748) из Петербурга в направлении на юго-восток «в земли и народы азиатские». В конце ноября сотрудники Экспедиции добрались до Уфы, где они в течение пяти месяцев основательно готовились к предстоящему путешествию на Южный Урал. После завершения длительных приготовлений к походу 17 апреля 1735 г. они вновь двинулись в путь и к лету прибыли на место строительства будущего Оренбурга. По свидетельству самого П. И. Рычкова, 12 августа 1735 г. «при Яике-реке и устье Орском» город Оренбург был заложен. Но начавшееся вслед за тем очередное антиколониальное движение башкир на Южном Урале заставило И. К. Кирилова и его сотрудников покинуть новооснованную крепость и временно

перебазироваться в Самару. С основанием в месте впадения Ори в реку Яик Оренбургской экспедиции вся последующая жизнь П. И. Рычкова почти непрерывно на протяжении более 40 лет протекала на границе России и Казахской степи, где сформировались его основные познавательные интересы и были созданы первые рукописные исследования о казахском народе.

На новом месте назначения П. И. Рычков проявил исключительное трудолюбие и добросовестность в порученных ему делах и поэтому в течение 30—50-х гг. XVIII в. неизменно выполнял при разных начальниках Оренбургского края — И. К. Кирилове, В. Н. Татищеве, В. А. Урусове, И. И. Неплюеве и прочих обязанности правителя Оренбургской канцелярии. По должности ему неоднократно приходилось участвовать во всех дипломатических приемах среднеазиатских посланников и купцов, а также в многочисленных официальных встречах своих прямых начальников с казахскими ханами и султанами. Подробное содержание и конкретные результаты этих непосредственных встреч нашли отражение в специальных экстрактах, протоколах, или «журнальных» и «церемониальных» записках, составленных П. И. Рычковым во время самого прохождения и по горячим следам русско-казахских переговоров. «Протоколы, или «журнальные записи» этих свиданий, хранящиеся в архивах, — справедливо отмечают биографы П. И. Рычкова П. Е. Матвиевский и А. В. Ефремов, — оформлены Рычковым с такой стенографической точностью и так содержательны, что читаются словно художественные произведения. Составленные им различные проекты, «донесения», «представления и экстракты» представляют собой правдивые исторические источники»².

На основе всех этих материалов и других документов 30—40-х гг. XVIII в., хранившихся в канцелярии Оренбургской губернии, П. И. Рычков написал в 1750 г. первый историко-этнографический труд о тюркоязычных народах Евразии под названием «Краткое известие о татарах и нынешнем состоянии тех народов, которые в Европе под именем татар разумеются». Несмотря на то, что эта работа стала известна в XIX—XX вв. многим профессиональным исследователям Южного Урала, Казахской степи и Средней Азии, она до сих пор по разным причинам не была опубликована. В ней П. И. Рычков уделил определенное внимание казахам, исторические сведения о которых он поместил в нескольких разделах «Краткого известия о татарах» и привел здесь ряд современных ему достоверных фактических данных о Туркестане и других городах на Средней Сырдарье, находившихся в то время под властью казахских ханов.

² Там же. С. 39.

Исследованием Оренбургского края П. И. Рычков начал заниматься в русле своих прямых служебных обязанностей. Организация эффективного управления новоприсоединенными территориями неизбежно предполагала основательное изучение их природы, а также образа жизни, истории и культуры местного населения, что входило в сферу компетенции правителя Оренбургской канцелярии и других оренбургских чиновников. Но позднее под влиянием своего прямого начальника, «отца российской истории» В. Н. Татищева, а затем и академика Г. Ф. Миллера изучение Оренбургского края превратилось для него в настоящую духовную потребность и стало делом всей жизни исследователя, посвятившего ему свои лучшие зрелые годы. Наиболее крупными результатами исследовательской деятельности П. И. Рычкова в Оренбургском крае явились две его печатные работы: «История Оренбургская по учреждению Оренбургской губернии», опубликованная в 1759 г. в журнале «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие», и «Топография Оренбургская, т. е. обстоятельное описание Оренбургской губернии», которая была напечатана в том же журнале в 1762 г. и немного позднее вышла в свет отдельным изданием. Эти труды составили целую эпоху в развитии историко-этнографических знаний о Казахстане в России и до сих пор считаются одними из наиболее ценных источников о дореволюционном прошлом казахского народа. Со времени первого издания «Истории Оренбургской» и «Топографии Оренбургской» по настоящее время оба произведения дважды переиздавались на территории бывшего СССР: первое из них — в Оренбурге в 1896 г., а второе — там же под названием «Топография Оренбургской губернии» в 1887 г.; в постсоветский период обе книги были переизданы с подробными научными комментариями в 2001 и 2003 гг. в г. Уфе — столице современной Республики Башкортостан. В «Истории Оренбургской» нашли отражение основные аспекты истории русско-казахских отношений периода 30—40-х гг. XVIII в., включая конкретные обстоятельства принятия ханом Младшего жуза Абулхайром российского подданства, а в «Топографии Оренбургской» — наиболее важные природно-географические особенности Казахской степи и многие вопросы этнографии казахов-кочевников. Здесь впервые в российской историографии было дано описание родоплеменной структуры традиционного казахского общества, главным образом казахов Младшего жуза, более или менее четко обозначены географические ареалы кочевания наиболее крупных казахских племен и приведены важные фактические сведения о памятниках материальной культуры кочевого населения Северо-Западного Казахстана.

Существенным дополнением к историко-этнографической информации о казахском народе, изложенной в этих работах, явились отдельные труды П. И. Рычкова более позднего периода, посвященные Оренбургскому краю, которые до выхода в свет данного тома российских истори-

ческих источников никогда прежде не издавались в нашей стране и за рубежом. К числу таких малоизвестных сочинений оренбургского историка следует отнести написанное им в 1774 г. по заказу графа Н. И. Панина «Нижайшее представление о состоянии киргиз-кайсацких орд и о способах приведения их к спокойному пребыванию и ко исполнению подданных должностей» и «Лексикон, или словарь топографический, Оренбургской губернии» составленный в 1776 г. И в том и в другом труде содержатся оригинальные и достоверные фактические сведения о казахских ханах Абулхаире, Абылае и других правителях Степи, отдельных военных преводителях-батырах, что существенно уточняет и дополняет биографические данные других документальных источников 30–70-х гг. XVIII в. об этих видных исторических персоналиях того периода. Кроме того, здесь запечатлены важные свидетельства непосредственных очевидцев о присырдарьинских городах и оседлоземледельческих селениях середины XVIII в., отсутствующие в среднеазиатских мусульманских источниках нового времени, и в этом отношении историко-этнографические материалы П. И. Рычкова о тюркоязычном населении Южного Казахстана также представляют непреходящую практическую ценность для исторической науки.

Постоянное покровительство и поддержка, оказываемые П. И. Рычкову на протяжении многих лет видными российскими учеными В. Н. Татищевым, Г. Ф. Миллером и другими, имели важное значение для его профессионального роста как исследователя-историка и немало способствовали его успешному продвижению по ступеням служебной карьеры. В 1759 г., учитывая большие достижения П. И. Рычкова в изучении Оренбургского края, Петербургская Академия наук учредила звание члена-корреспондента и избрала его своим первым членом-корреспондентом. Год спустя П. И. Рычков, получив чин статского советника, вышел в отставку и переехал в свое имение Спасское, расположенное в Уфимской провинции, недалеко от Бугульминской слободы. Здесь он прожил около 10 лет, в течение которых активно сотрудничал с Вольным Экономическим обществом в Петербурге, для изданий которого написал целый ряд интересных статей, а в 1769 г. был назначен российским правительством на должность главного правителя Оренбургских соляных дел. На этой должности он самоотверженно работал до 1777 г., пока не получил назначение по службе на должность главного командира заводоуправлений на Урале в Екатеринбург. Но на данном поприще неутомимому труженику не суждено было проявить свою энергию. В конце лета 1777 г. П. И. Рычков серьезно заболел, а 15 октября того же года скончался в Екатеринбурге. Похоронили оренбургского историка в селе Спасском³.

³ Там же. С. 227–229.

Вторая половина XVIII в. вошла в историю накопления историко-этнографических знаний о казахском народе не только благодаря краеведческим изысканиям первого историка Оренбургского края П. И. Рычкова, но и как эпоха крупных географических открытий и комплексных экспедиций. В числе наиболее солидных научных достижений этого периода особенно выделяются исследования Второй комплексной Академической экспедиции 1768—1774 гг., охватившие огромные пространства России от Белого до Каспийского морей и от Байкала до Кяхты.

Особенно велики заслуги участников Второй Академической экспедиции в исследовании природы и населения Казахстана, большая часть территории которого вплоть до середины XVIII в. оставалась во многих отношениях совершенно неизвестной для российской и европейской науки.

Изучением казахских земель занимались три Оренбургских отряда Академической экспедиции, возглавлявшиеся крупными естествоиспытателями общеевропейского масштаба: П. С. Палласом, И. И. Лепехиным и И. П. Фальком. Их ближайшими помощниками в этом путешествии были В. Ф. Зуев, Н. П. Соколов, П. И. Рычков (у Палласа); И. Л. Озерецковский (у Лепехина), И. Г. Георги и Х. Барданес (у И. П. Фалька) и др. Впоследствии почти все названные исследователи получили широкую известность в научном мире.

Сотрудники академических экспедиций обстоятельно исследовали западные, северные и северо-восточные регионы Казахской степи, что впоследствии позволило им включить в свои обогащающие труды подробные страноведческие характеристики этих территорий. Кроме того, П. С. Паллас, И. П. Фальк, И. Г. Георги и П. И. Рычков не обошли вниманием и вопросы этнографии казахского народа. Во многих разделах своих работ они описали хозяйственные занятия, образ жизни, некоторые обряды и обычаи казахов, привели ряд интересных сведений об археологических памятниках региона⁴.

Однако сведения о природе и населении Казахстана, собранные П. С. Палласом, И. П. Фальком и И. Г. Георги к середине 70-х гг. XVIII в., носили в основном локальный и фрагментарный характер. Они касались преимущественно северной части Казахской степи, по которой пролегли путевые маршруты экспедиционных отрядов, в то время как информация этих ученых о других регионах Казахстана большей частью опиралась не на их собственные исследования, а на свидетельства случайных лиц и поэтому была явно недостаточной, чтобы составить сколь-

⁴ Об этих трудах см.: Масанов Э. А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата, 1966; Ерофеева И. В. Вопросы истории Казахстана второй половины XVIII в. в трудах участников Академических экспедиций 1768—1774 гг. // Известия АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1979. № 1. С. 29—34.

ко-нибудь четкое и цельное представление об общественной жизни и культуре казахов. Скучность имевшихся у них научных знаний о Казахстане и казахском народе хорошо сознавали и сами руководители экспедиционных отрядов, что побудило профессора Иоганна Фалька (1727—1774) воспользоваться случаем отправления особого военного отряда в Степь и прикомандировать к нему для исследования региона своего «лучшего ученика» и «ближайшего помощника» Христофора Барданеса — человека с полулегендарным прошлым и во многом загадочной судьбой.

По своему происхождению Х. Барданес был греком и родился в образованной купеческой семье в Молдавии приблизительно в 1731 или 1732 году. В юношеском возрасте он был отправлен родителями учиться в Киев, но через несколько лет, возвращаясь домой в Молдавию, попал в плен к ногайцам и был увезен на невольничий рынок в Константинополь. Там юноша был продан какому-то иностранцу и вместе с ним объехал всю Польшу, Германию, Венгрию и часть Италии и затем возвратился в Вену. Освободившись из плена в возрасте 35 лет, Х. Барданес приехал «в убогом состоянии» через Венгрию и Польшу в Петербург, где поступил в медико-хирургическое училище. После его успешного окончания Х. Барданес был сразу же принят на работу в императорский госпиталь, где перед ним открывались хорошие перспективы. Обучившись хирургии, здесь он получил звание врача. Но оставаясь в госпитале новоиспеченный медик совсем недолго. В 1768 г. готовилась к отправлению экспедиция И. П. Фалька. Неутомимый путешественник без колебаний принял решение участвовать в ней и взял на себя малопочетные обязанности чучельника. Но, «благодаря особой его наблюдательности, страсти к коллекционерству, умению сходиться с людьми и знанию многих языков, он был одним из лучших учеников и помощников Фалька, который высоко ценил его познания и усердие»⁵.

Для него И. П. Фальк составил специальную специальную инструкцию, где детально расписал все задачи намеченного путешествия и при этом строго предписал ему «с сим корпусом столь далеко в Степь идти, сколько оный пройдет, дабы она повсюду осмотрена была»⁶.

Результаты научного путешествия Х. Барданеса в полной мере оправдали ожидания его взыскательного начальника. Х. Барданес совершил в 1771 г. две дальние поездки по Казахской степи. Первая пролегла по маршруту Троицк — Уйская дистанция — западные строги Уральского хребта — Троицк, и вторая — из Троицка через Петропавловск по левому берегу Иртыша в Семипалатинск — на Калбинский хребет — район Каратау и обратно той же дорогой в Семипалатинск. Таким обра-

⁵ Русский биографический словарь (РБС). Т. 2. Алексинский—Бестужев-Рюмин. СПб., 1900.

⁶ СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 35. Д. 21.

зом, он стал одним из первых российских путешественников, которому удалось непосредственно обследовать разные территории региона и осуществить более или менее обстоятельное изучение посещенных казахских аулов. Свои конкретные наблюдения за природой Центрального и Восточного Казахстана и жизнью казахов-степняков, а также подробные данные устных опросов кочевников исследователь изложил в составленных им в начале 70-х гг. XVIII в. обширном путевом дневнике о поездке в Степь и специальном монографическом исследовании, посвященном казахскому народу, которое он назвал «Киргизская, или казацкая, хорография». Оба произведения сохранились только в рукописном виде и хранятся в фондах Академической экспедиции 1768–1774 гг. в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской Академии наук. В 1978 г. автору этих строк удалось обнаружить путевой дневник и «Киргизскую хорографию» Х. Барданеса в вышеуказанном Архиве и исследовать их в источниковедческом отношении⁷. При внимательном ознакомлении с текстом второго произведения выяснилось, что оно представляет собой первый в науке специальный обобщающий труд по географии и исторической этнографии Казахстана. В основу его структуры был положен предметно-тематический принцип, в соответствии с которым автор распределил накопленный им фактический материал по конкретным аспектам социально-экономического и социального развития казахского народа. Собранные и систематизированные Х. Барданесом фактические данные о хозяйстве, общественной жизни и культуре казахов-кочевников имеют исключительную ценность для науки, т. к. являются непосредственными свидетельствами очевидца и отличаются редкой для того времени детализацией описаний домашнего быта, культурных традиций и обрядов казахского населения, свидетельствующих о большой наблюдательности и добросовестности этого автора. В «Киргизской хорографии» приведено также немало оригинальных казахских преданий о природе и топонимике Северного и Восточного Казахстана, что заметно отличает данный труд от многих других исследований второй половины XVIII — первой четверти XIX в., в которых полностью отсутствуют исторические сведения такого рода.

Рукопись «Киргизской хорографии» не сохранилась в фондах в Санкт-Петербургского филиала Архива Российской Академии наук в полном объеме. Текст ее резко обрывается почти на середине главы о брачно-семейных обрядах казахов, а остальные страницы работы были, по-видимому, потеряны еще до ее поступления в Архив. Можно предположить, что текст монографии Х. Барданес готовил в начале 70-х гг. XVIII в. к

⁷ Ерофеева И. В. Территория и население Казахстана второй половины XVIII в. в трудах Х. Барданеса // Известия АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1981. № 5.

печати, о чем свидетельствуют его конкретные ссылки на использованные труды П. И. Рычкова, имеющиеся на некоторых страницах сохранившегося рукописного текста труда. Более того, о «Киргизской хорографии» исследователь неоднократно упоминал в своем путевом дневнике, отсылая его будущих наиболее любознательных читателей к своему основному труду о Казахстане и казахском народе. Но судьба распорядилась совсем иначе.

В 1774 г. непосредственный начальник и большой друг Х. Барданеса профессор И. П. Фальк покончил жизнь самоубийством. После его смерти Барданес привез материалы экспедиции в Петербург и некоторое время после того работал лаборантом в химической лаборатории Академии наук. Но непреодолимая страсть к путешествиям очень скоро вновь захватила его. Барданес бросил все дела и устроился лекарем на флот сначала в Кронштадте, а потом в Таганроге. Оттуда он совершил несколько плаваний по Черному морю и погиб во время очередного путешествия при неизвестных обстоятельствах⁸. Конкретная дата и место его кончины также остались неизвестны профессиональным историкам.

В состав настоящего издания вошли все вышеназванные рукописные исторические труды, записки и экстракты П. И. Рычкова, опубликованные в 1825 г. краткие извлечения из путевого журнала Х. Барданеса и сохранившаяся в Архиве основная часть его монографии «Киргизская, или казацкая, хорография, а также историческое сочинение неизвестного автора 1796 г. под названием «Краткое описание о киргиз-кайсаках». Тексты этих работ были обработаны и подготовлены к изданию к. и. н. И. В. Ерофеевой и президентом ОФ «Международный Фонд Абулхана А. Альмукамбетом. Научные комментарии к текстам составлены Б. Т. Жанаевым, предисловие к изданию написано И. В. Ерофеевой. Указатели имен и географических названий подготовлены Б. Т. Жанаевым и А. А. Альмукамбетом, компьютерный набор текстов тома осуществила А. Т. Ракишева.

И. В. Ерофеева

⁸ РБС. Т. 2. СПб., 1900; Полное собрание ученых путешествий по России. Т. 7. СПб., 1825. С. III–V.

**Экстракт ис полученных от команд известей
о киргис-кайсацких, калмыцких и хивинских обращениях. 1742 г.**

1-е. Июня 18-го числа получено письмо киргис-кайсацкой Меньшей орды от Абулхаир-хана [1], которым он писал, во-первых, подтверждая себя в верности и к службе е. и. в. и что он от Сырдарьи со всеми своими киргис-кайсаками прикочевал сюда ближе, а потом объявляет, что Средняя орда всегда кочует там (а где имянно не значит), и представляет, чтоб ее чрез всякие ласкании склонять сюда, хотя и чрез Яик кочевать, а позади б их будто для караулу калмык войско поставить; для церемонии ж ево, Абулхаир-хана, прислать встречать 1000 человек. Притом же пишет, чтоб здешний главной командир скорая в Оренбург приезжал, объявляя, что ежели-де е. и. в. дела ныне не окончатся, то как кайсаки народ ветреный, так во окончании их будет уже не бес труда, и для того что Средней орды Абулмамет [2], и Барак [3], и протчие бии советывали, что Галдан-Чирину [4] аманатов нельзя не дать, и потому они, Абулмамет и Барак и все бии, всяк с себя обещал дать детей своих. О Карасакале [5] же рассуждали, что, ежели будут просить Шуну в российскую команду или калмыки, то б не отдать, буде же во всем том отдатся в совет Абулхаир-хану, то-де он уже сына своего е. и. в. отдал, а другой в Хиве обретается, и потому-де ныне он, Абулхаир-хан, без соизволения е. и. в. как сына своего, тако и ничего не отдаст, а их-де кочеванию от калмык кончае будет утеснение; и тако аки б для своей пользы оные знатные бии присоветовали вышепоказанным калмыкам отдать в аманаты, чего ради он, хан, тем письмом паки подтверждает о поспешении главного командира к Оренбургу, напоминая, чтоб глупой народ к тому не приклонился, а он со всякою скоростию прикочевывать будет — дабы ему от оного народа какого замешательства не было. Когда ж де калмыки, обнадеживая их, кайсаков, будут к себе требовать, то, чтоб по скором ево з генералом свидании, доколе тут находиться будет многой кайсацкой народ, чрез то все надлежащие е. и. в. дела скорым же и благополучным временем окончать могли.

Ежели ж де прежде упомянутое войско по позади Средней орды не поставится и ему, хану, отсюда встречи не будет, то он верхнею стороною Яика-реки в близости сюда прикочевывает, и буде кайсацкой народ вдаль откочует, то б оное к нему не причлось.

При том же от него, Абулхайра, в присылке явилось письмо, которое, как видно, на татарское переведено с калмыцкого, токмо в письме ево об нем ничего не упомянуто, коим, по-видимому, зюнгорской владеец от кайсаков требует, а имянно: 1-е — з белыми кибитками Абулхайр-ханова сына Айчувака-салтана [6], то есть с молодою женою, в аманаты; таким же образом з дюртканиского рода — Каратукай-биева сына Марзагилдея, с чуманайского — Чаилта-биева брата Айтбая-батыря, с чекминского — Мянук-биева сына Ирназара, с ернейского — Баймурат-биева сына Утя, тасларского — Байскулиева сына Тулчюбая, алчинского — Байса-биева племянника Койсары-мурзу, алтойского — Тойгулы-биева сына Капладея, с карасаналского — Тляубердеева сына Ирназара, с каракисятского — Кунчары-батырева сына Кушума, — оных всех з белыми кибитками, с письменным известием и с их пропитанием, насколько хотят; 2-е — подтверждает, чтоб российских, тургауцких, бухарских, уртагичинских и от всех сторон проезжающих купцов, без обид и без всякого урону пропускать, и от их орд воровскими поступками не ездить, под страхом, ежели кто что у кого возмет, или насильством своим отимет, таковых всех ловить и отдавать туда; 3-е — требует со ста дворов по одному корсаку; 4-е — приказывает кочевать тут, где он приказал, угрожая, что ежели того не исполнят, то они ему неприятели будут, и он к ним с войною своею будет, протчие обстоятельства же того письма не ясны, яко начала и окончания рассмотреть не можно, ибо видно, что ево много отрезано.

2-е. Того ж июня 28-го полковник Павлуцкой, от 18-го числа прибыв в Орскую крепость, чрез объявление ему посыланного от него к киргис-кайсацким владельцам Абулхайр и Абулмаметхану, Барак-салтану, Джанбек [7] и Нияс батырям верноподданного Сибирской дороги Каратабынской волости башкирца Тамгула Казынбаева с товарищи, с представлением о чинимых разорениях от киргис-кайсаков российским людям и верным иноверцам, доносил.

И с Челябинской крепости в 7-й день приехали они в верх речки Каяту, которая между Уем и Тобола, и оттуда ехали чрез кайсацкие улусы Найманской волости, коя ныне кочует на Орь-реке, от Орской крепости верстах в 30, в которой вор Карасакал кочует и оною волостию владеет. Будучи в том уезде, слышали они Кирейской волости от киргис-кайсака, что Меньшей орды киргис-кайсац-

кой владелец Абулхаир-хан между разговорами говорит, мне ли-де будет жить в киргисцах и ими командовать или вору Карасакалу, и кто будет из нас жив?

И потом он, Тамгул, прибыв в Орск, остался за неимением другой лошади тут, а товарищи ево, башкирец Исай-мулла, да крестьянин Савастьянов, поехали с выше объявленным представлением к показанным кайсацким владельцам.

После же их он, Тамгул, из Орска ездил для сыску пленной башкирки, и приехав паки в Найманской волости, от киргисца Токмамбетя-батыря, у которого ночевал, слышал, что присланы от Галдан-Чирина послы к Абулхаир-хану с тем, чтоб они, собрав ханских и лутчих людей детей з женами и з детьми дворов с 40, прислали к нему, Галдан-Чирину, в аманатство, и житьбы им между собою в миру; да требует-де Суну-батыря, объявляя, что буде называемой у них подлинно Суна-батырь, то б ево отдали ему, Галдан-Чирину; буде же кто называется Суной-батырем напрасно, а он не Суна, но другой какой человек, того б отдали российским командирам. И Абулхаир-де-хан разсуждает так, что послать людей своих к тайному советнику и кавалеру Неплюеву просить позволения, повелено ль будет в аманатство к Галдан-Чирину киргис-кайсацких владетельских, также и других знатных людей детей, отдать, или не отдавать. А о Карасакале показанной Токмамбет говорит, кто-де ево смеет поймать и отдать, а куда и кому, того не объявил.

По уведомлению ево, Тамгула, оной вор Карасакал с прежнего места от Ори-реки откочевал далее с тою же Найманскою волостию, вниз по Яику, на реку Абенты от Орска ездю более дня. А помянутой-де Токмамбет об оном Карасакале еще говорил, что они, киргис-кайсаки, хотят просить у всемилостивейшей государыни, чтоб им ево отдать, понеже-де и все они в подданстве е. и. в. находятся, и всемилостивейшая-де государыня до них милостива, и российские командиры благоприятны, и никакого разорения и злобления им не чинят, чем-де они весьма довольны; и ежели-де впредь всемилостивейшая государыня в чем прогневаается, и российское войско будет их разорять, то-де они раз, другой и третий противиться не будут.

От тамошних же киргисцов он, Тамгул, слышал, что Галдан-Чирина войско хочет идти для разорения киргисцов, а где, ныне неизвестно, и киргисцы весьма того опасаются, а иные идут к Орской крепости.

Выше помянутую башкирскую бабу (для сыску которой он, Тамгул, поехал) нашел он в той же орде Найманской волости на реке Кумакле, от крепости Орской верст с 40 у киргисца Токтабулата, токмо он не отдает на выкуп без десяти кобыл.

При том же от него, полковника Павлуцкого, о выше объявленных посланных с показанным Тамгулом башкирце Исае-мулле и крестьянине Федоре Савастьянове донесено, что они, будучи в той орде к нему, Павлуцкому, писали, по отбытии-де их в ту орду шли они к Орской крепости вверх по Яику и по речке Жилкуаму, где кочуют киргисцы Кипчатцкой, Караулской и Кирейской волостей, в которых улусах вор Карасакал живет в деревне у киргисца Якшлыкбая.

А ныне-де он, Карасакал, кочует по реке Оре; Абулхайр-хан, Барак-салтан, Джанбек и Нияс батыри живут меж собой в близости по реке Уилкыил.

К Абулхайр-хану от Галдан-Чирина присланы послы-калмыки и живут у него, Абулхайр-хана; будучи в той орде о взятом киргис-кайсаками в плен Чумляцкой слободы крестьянине Павле Соколове слышали, что он живет в Ушинской волости у киргис-кайсака Кутлубая, который кочует близ вора Карасакала.

3-е. 22-го числа из Орской же крепости подполковник Останков на посланной к нему по полученному известию о прикочевании вора Карасакала к Орску не в дальнем разстоянии в подтверждение о накрепчайшей предосторожности в перелазах как киргис-кайсаков в Башкирию, так из Башкирии в киргис-кайсаки, ордер объявляя, чинимое потому исполнение ответствовал, что ис крепостей команды ево и от обретающагося для розъезду по рекам Кизылам от капитана Трубникова о перелазах чрез реку Яик как из Башкирии в киргисцы, так и ис киргис-кайсацких орд в Башкирию, чрез все лето по репортам не окажется и от обеих сторон поныне обстоит спокойно.

4-е. Июля 3-го числа от полковника же Павлуцкого о прибывшем к нему в Орскую крепость Исецкой провинции казаке Федоре Найденове, который послан был в Киргис-кайсацкую орду от генерала-лейтенанта Соймонова с порутчиком князем Ураковым доношением объявлено, что он, Найденов, в той орде чрез башкирского абыза Абугазю, который туда бежал с ворами башкирцами, и с Карасакалом живет при Абулмамет-хане, слышал, персицкой-де шах ныне в Хиву прислал на ханство бывшего хивинского Ялбарысова-хансково [8] сына, а о Абулхайровом сыне, который туда приехал (в Хиву)

после ево, шаха, и оставленного от него, хана, и при нем персиян ево, с хивинцами убили, и ханство принял себе, писал к хивинцам, чтоб ево держали до прибытия ево, шаха, и не отпускали. И слышно-де, что к Хиве идет с войском ево, шахов, сын, а войско персицкое зимовало в минувшую зиму в Бухари, и вышеписанной Абулхаиров сын Нурали [9], объявляя тот шахов приказ, писал к отцу своему, чтоб ево, как можно, ис Хивы доставал.

А ис Туркестанта-города к Абулмамет-хану, обретающийся там владелец Сеит [10], которой ему, Абулмаметю, племянник (и в тот городок владельцем определен от Галдан-Чирина), писал, что персицкое войско пришло к Туркестанту-городу, и по близости того мусульманские городы и местечки все взял, и потому-де их кайсацкие слова пропадают, толко-де они остались ныне яко в луке, и знатно, что им будет не спастись.

Да в Ташкенте-городе слышно, что стоит зюнгорского войска 20 000, а для чего оное собрано, того подлинно не известно, токмо признается, что собрано для охранения того Ташкенского города от приходу персидского войска, а Туркестант от Ташкенского городка езды сказывают 5 дней.

Киргис же кайсацкие владельцы Абулмамет-хан, Барак-салтан и старшины Кызынбек-бий и Нияз-батырь присоветовали, чтоб присланных к ним от Галдан-Чирина посланцов отпустить обратно, и с ними послать от себя посланцов же, по которому и посылают Кызынбек-бия и Нияз-батыря, а с каким представлением, того подлинно знать не можно, токмо эха такая между киргисцами происходит, якобы они представляют, что требовал Галдан-Чирин ханских и салтанских детей человек с 40 в аманатство, чтоб толикого числа ханских детей и знатных людей не посылать, а взял бы он, Галдан-Чирин, только одного ханского сына и старшинскими детьми в аманатство, сколько же числом не слышно.

Киргис-кайсацкие же-де владельцы Абулмамет и Абулхаир ханы и Джанбек-батырь, изо всего видно, что в российской стороне благосклонны и доброжелательны, и от Абулхаир-де хана прислано к Абулмамет-хану письмо, в коем он пишет, чтоб российской стороны держались, а новую дорогу не начинали, только Кызынбек-бий, как-де из их слов видно, в Оренбург ехать не хочет, и благосклонных от них слов к российской стороне он, Найденов, не слышал.

От Галдан-Чирина кайсаки имеют весьма опасение, также и российской стороны не меньши боятся ж, рассуждая, что якобы по прибытии их владельцев и старшин задержаны будут в Орску, и в том-де они сомневаются. Об отдаче вора Карасакала к российским командирам, также и Галдан-Чирирну ничего не слышно, и на совет тот вор Карасакал не ездит. Между же разговорами от киргис-кайсаков слышно, что хотят просить у е. и. в., так же и у тайного советника и кавалера Неплюева [11], чтоб оного Карасакала более в Россию не требовали, а отдали б им. При том же он, полковник Павлуцкой, объявил о возвращении к нему в Орск выше объявленных посланных от него в Киргис-кайсацкую орду башкирце Исае-мулле Токтагулове, да Течинской слободы о крестьянине Федоре Савастьянове, которые от Абулхаир и Абулмамет ханов и Барак-салтана, на посланные к ним привезли письма, а сами ему, полковнику, сверх тово Найденова показания, объявили, что посланные от него, полковника, к киргис-кайсацким владельцам письма приняли они приятно.

А потом быв в той орде, слышали они от Барак-салтана, что он говорит о воре Карасакале, многие-де киргисцы ему объявляют, что оной вор Карасакал подлинно Шуна-батырь, а другие кайсаки ж говорят, что он — вор башкирец Милдигул, и у меня-де в том ума нет; Абулмамет-хан говорил, что воров башкирцов, имеющихся в их орде, в Россию отдать им невозможно, понеже-де они живут в их орде в своей воли.

А о русских пленных он, Абулмамет-хан, говорил, что киргисцы их в Россию не отдают, понеже-де у них народ вольной, а другие-де пленные и сами не пойдут, для того что в киргисцах прижили детей.

Товарищ-де их башкирец Бакбаш Бричюрин от подлых киргис-кайсаков ведомства Абулмамет-хана в Найманской волости в деревне Кызылгурт слышал, что вор Карасакал говорил, ежели киргисцы ханских детей отдадут зюнгорскому владельцу в аманаты (почему признавает, что и ево отдадут), то-де он будет воевать с зюнгорскими калмыками, башкирцами и с каракалпаками, чтоб ево никуда ис кайсаков не отдали.

Исай-мулла от киргис-кайсаков же Бурайманской волости знатных людей между разговорами слышал, что оной вор Карасакал говорил, ежели-де аманатов зюнгорскому владельцу отдадут, то он хочет уйтить в другую орду, а куда не знает.

Барак-салтан Найманскую волость, коя прежде была в ево ведомстве, в совет к себе не принимает, а кои для того и приезжают, тех отсылает, понеже ныне она состоит в послушании вора Карасакала.

В бытность их в той орде слышно им было, что от Галдан-Чирина прошло войско к городу Ташкенту аки б 20 000, в котором главной Сары-Манжи, при том они, Исай-мулла Токтагулов и крестьянин Федор Севастьянов, о бывших у них ис Течинской слободы от полковника Павлуцкого в провожании до киргис-кайсацких владельцев киргис-кайсаках Бекберде Айкузине да Кулуке объявили, что они от Течинской даже и до владельцев Абулмамет-хана и Барак-салтана проводили их все благополучно и самовольным киргисцам в обиду не давали, они ж, Бекберда и Кулук, владельцам своим от российской стороны объявили все о добрых порядках, и что российские командиры киргисцов принимают благоприятно, и что и к пользе российской стороне старание имели.

Выше помянутых присланных с ними Исаем-муллою и Севастьяновым от киргис-кайсацких владельцев к нему, полковнику Павлуцкому, ответствовано:

1. От Абулхаир-хана о пленниках, что он их искать и спрашивать будет впредь и что оные в каракалпаках, отчего-де с ними и не в совете, а ныне-де от каракалпаков пришли послы, чтоб им помириться, и буде с ними помирятся, тогда и российских полонеников спрашивать, и в том трудится будут.

2. Абулмамет-хан пишет о получении от предписанного полковника Павлуцкого писем, и что по оным русских пленников ныне не нашли, а впредь спрашивать будет, и ежели сыщет, то к нему известие даст и о добрых речах выше писанного бывшего в провожании оных Исая с товарищи кайсака Бекберды.

3. От Барак-салтана, коим объявляет, что от них требуется, то они все помнят, и противного у них нет, токмо того требуемого ныне не отыскали, а к ним со всех сторон пришли послы и не знают, что делать, и для того, что у них спрашивают, то сыщут и отдадут впредь; притом показывает (как видно о племянниках же), что взяли-де каракалпаки, а им не отдают, за что-де они двоекратно с ними, каракалпаками, войну имели, а когда помирятся, тогда возьмут.

Июля 3-го числа от обретающихся в киргис-кайсацких ордах при Абулмамет и Абулхаир ханах порутчика Гладышева [12] и князя Уракова получены доношения, в которых показано, а имянно.

От князя Уракова от **20 июня** отправленные с оным Гладышевым от тайного советника Неплюева к киргис-кайсацким владельцам Абулмамбет-хану и Барак-салтану грамоты, о чем от **6 апреля** в Правительствующий сенат и в Государственную коллегию иностранных дел донесено, и оные им, владельцам, и с подарками поданы, только при том ответу никакого от них не получено.

А июня 16-го дня к Абулмамбет-хану прибыл Барак-салтан с Казбек-бием, и был сбор для всяких разговоров, на котором оному хану реченные Барак и Казбек-бий пред всеми киргисцы говорили, якобы их, требуя в Оренбург, хотят ловить, а более им тут сказал киргизец Салтан, чтоб в Оренбург отнюдь не ездили, от чего оной хан стал весьма опасен, и потом они, Абулмамбет и Барак, во все свое владение, тако ж и в Меньшую орду к Абулхайр-хану и стали при том же зборе писать письма, чтоб собирались для совету; и с чего-де они что в совете Абулмамбет-хан положится на Абулхайр-хана, а ныне в Оренбург для свидания с тайным советником и кавалером Неплюевым ехать намерен, Барак же салтан и Казбек-бий туда ехать своими согласники не намерелися, а для чего, подлинно знать не можно, и по разговорам слышно, что оной Барак и Казбек-бий от России намерены откочевать своим жилищем к Туркестанту чрез Илецкие и Орские вершины, на Мунгазар и далее.

Оные ж Абулмамбет-хан и Барак-салтан намерены отправить в зюнгорские калмыки Казбек-бия да Нияз-батыря послали, а чего для, о том подлинно не известно. Из разговоров киргис-кайсацких получил он, князь Ураков, известие, что Абулхайр-хана сын Нурали-салтан ис Хивы прислал послов к отцу своему оному Абулхайр-хану с письмом и пишет, чтоб он, Абулхайр-хан, собрав войска, пришел выручать ево ис Хивы, а шах-де персицкой уже с войском близ Хивы и стоит дни за два, и пишет письма к хивинцам, чтоб ево, Нурали, не выпускали до прибытия ево, шахова, в Хиву.

Около выше писанного **20-го числа** прибыл к Абулмамбет-хану ис Каракалпацкой земли посол Иозякий с товарищи, для миру и прекращения с ними войны, и чтоб он удержал Карасакала, которой по их называется Шуна-батырь, а о Абулхайр-хане объявлял, что ныне имеется при реке Илеке близ вершин.

Во втором — от порутчика Гладышева, что по прибытии ево к Абулхайр-хану посланные с ним грамоты и притом подарки ему, хану, подал, и он, прочтя ту грамоту при старшинах и при всех

знатных людех, немало порадовался, и потом чрез два дни ездил на збор в Че克林скую волость и был в совете; а что у них при совете было, о том по возвращении ево, хана, имеющейся при нем, хане, абыз Калмухаммет татарским письмом ему, Гладышеву, представил, которое он, порутчик, сообщил при том же доношении своем.

А в том приложенном татарском письме по переводе на русское объявлено, что в собрании с ханом на совете киргис-кайсацкого народа было 1500 человек Меньшей орды, в котором и знаемые были, и в том собрании Абулхаир-хан присланную от тайного советника Неплюева грамоту ему читать приказал, которую тот народ при оном хане выслушав, восхваляли, а после кроме хана особливо в собрании сами советывали, при котором были алчинского роду знатные бии, тут же и Батырь-салтан [13].

И по окончании совета своего, пришед к хану 4 человека от оных биев, ответствовали, что-де наш народ советывал обще, и якобы российское войско назвали сартом, то есть грацкими жителями, а калмыков — узбеком, мы-де, Меньшая и Средняя орда, в том состоим, чтоб калмыцких посланцов с порядком отправить, для того, что на здешнем месте кочевья наши утеснились, не помириться-де с калмыками, ежели отечественный юрт отдадут, нельзя, мы же-де с калмыками довольно привыкли, и что-де те калмыки просят, то надобно дать; что ж русские в Российское государство просят Шуну, то оно-де Шуну, поймав, отдать невозможно, и для того-де с калмыками хотят помириться, а после того Средней ордой сообщится. И Абулмамет-де и Барак салтаны и Козбьяк-бий в том же совете свой согласили, на что хан сказал: когда-де вы калмыков называете узбеком, то для чего они государыне дань платят, и все-де вы с народом обще — дураки, вас-де туды не пошлют, токмо-де генерал с четырестами тысячами войском к свиданию будет, и с ним советывав, с калмыками помиримся.

А киргисцы говорят, что туда-де ехать опасаются, ныне-де Средняя орда одного калмыка с четырьмя человеки посылает к зюнгорским калмыкам, а для чего, не показано; а как-де оные возвратно придут, то Козбьяк-бий сам обещал ехать.

При том же получено и от Абулхаир-хана письмо, которым он в ответ на посланную к нему со оным Гладышевым грамоту (о чем 6-го числа апреля в Правительствующий сенат и в Государственную коллегия иностранных дел донесено) пишет: во-первых, утверждая себя о верности своей, и что чрез присланную от него тайного